

Муретов М. Д. Отношение христиан к мирской власти: Объяснение Деян. 4, 19—20 и 5, 29 в связи с Мф. 22, 15—21; Рим. 13, 1—10 ср. 1 Петр. 2, 13—20 и 1 Тим. 2, 2—4 // Богословский вестник 1911. Т. 2. № 7/8. С. 467—492 (4-я пагин.).

Отношеніе христіанъ къ мірской власти.

Объясненіе Дѣян. 4, 19—20 и 5, 29 въ связи съ Матв. 22, 15—21, Римл. 13, 1—10 ср. 1 Петр. 2, 13—20 и 1 Тим. 2, 2—4.

(Приложеніе къ критическимъ замѣчаніямъ на книгу проф. Мищенко: „Рѣчи Ап. Петра въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ“,—къ пункту 5. б).

Предъявляя автору вопросы объ отношеніи христіанъ къ мірской власти, въ виду Дѣян. 4, 18—20 и 5, 29,—рецензентъ самъ долженъ, конечно, имѣть на нихъ отвѣтъ. Вкратцѣ онъ таковъ.

Міръ—*κόσμος* есть проявленіе славы—*δόξα* Бога,—Его премудрости и благодати, ума и любви. И такъ какъ Богъ есть Верховное Благо, то въ мірѣ должно быть „*всѣ добра згло*“ (Быт. 1, 31; 1 Тим. 4, 4).

Но тотъ же самый „*космосъ*“, притомъ также „*весь блгоз*“, т. е. во всей своей цѣлостности (не только видимый, но и невидимый—злые духи, все твореніе—Іоан. 1, 2), „*во злѣ лежитъ*“ (1 Иоан. 5, 19, ср. 2, 16,—Іоан. 1, 29,—8, 23—16, 8,—17, 16,—Рим. 8, 19 дал. Апок. 4, 10—11; 10, 6 и др.). Есть другой, противоположій и злой „*князь міра—ὁ ἄρχων τοῦ κόσμου*“ (Іоан. 12, 31; 14, 30; 16, 11; Ефес. 2, 2 др.) и „*міродержецъ*“ или „*міровладыка тьмы (зѣка сего)*—*κοσμοκράτωρ τοῦ σκότους—τοῦ αἰῶνος τούτου*“ (Ефес. 6, 12).

Въ мірѣ есть добро, правда, любовь, свѣтъ, блаженство святость, жизнь, Христосъ—Сынъ Бога—Логосъ—Богъ. Въ мірѣ есть и зло, кривда, ненависть, тьма, страданія, грѣхъ, смерть, антихристъ, діаволь и сатана.

Какъ взаимоотрицанія, эти противоположности не могутъ быть мыслимы соединенными и примиреннымъ въ высшемъ синтезѣ. Выше Бога, добра, жизни мыслимо только ничто, т. е. немыслимость ¹⁾. Тутъ возможно только „поглощеніе въ побѣду“ одной противоположности надъ другою (1 Кор. 15, 54).

Конецъ борьбы самъ собою очевиденъ какъ аксіома для непосредственнаго, свободнаго отъ софистики и схоластики, нравственно-религіознаго сознанія: положительное начало всегда и необходимо господствуетъ надъ отрицательнымъ,— это законъ жизни и бытія. Но господство это дается не магически или механически, внѣшне,—а духовно, исторически, путемъ внутренняго подвига возрожденія и преображенія,— чрезъ нравственно-религіозное преодоленіе добра надъ зломъ и жизни надъ смертію.

Въ этомъ — исторія „спасенія — σωτηρία“ людей, цѣленія (σωσ—цѣлый, здоровый, нормальный) человѣчества, его перерожденія въ цѣлость, здоровье, норму,—въ соотвѣтствующій идеѣ человѣка образъ или идеаль, причеиъ это спасеніе человѣка совершается въ необходимой органической связи съ спасеніемъ и всего міра, поскольку зло не въ одномъ человѣкѣ, а въ цѣломъ мірѣ (Римл. 8, 19 дал. Іоан. 3, 17,— 4, 42 др. Филип. 2, 9—10 др.).

Такою животворящею и преобразующею человѣка „идею“ служить „совершенство человѣка какъ совершенъ его Отець Небесный“ (Матѣ. 5, 48),—а такимъ „идеаломъ“ является „Спаситель или Цѣлитель, Сынъ Божій, Логосъ—Богочеловѣкъ“ (σωτήρ, βιος θεοῦ μονογενής, Λόγος—θεός—ὁὄς ἐγένετο, κῦριος—ἄνθρωπος). Подъ постояннымъ и благодатнымъ вѣяніемъ этой идеи и въ возможномъ непрерывно-постепенномъ благодатномъ приближеніи къ этому идеалу—смыслъ и цѣль бытія міра и жизни человѣка, всей исторіи міра и человѣчества, доколѣ „Христосъ вообразится“ во всѣхъ и „Богъ будетъ все во всемъ“ (Гал. 4, 19; 1 Кор. 15, 28).

Міръ во всей своей цѣлостности—видимый и невидимый

¹⁾ Въ математикѣ ноль и даже числа ниже поля суть мыслимости. Но математическія аналогіи въ теологическихъ созерцаніяхъ представляютъ лишь недораазумѣвіе и злоупотребленіе, ибо слова тамъ берутся въ условномъ значеніи, не соотвѣтствующемъ самому слову, такъ что *ничто* тамъ есть *что*.

или ангельскій—есть „*царство Божіе или небесное—βασιλεία Θεοῦ и τῶν οὐρανῶν*“. Это—все Божье въ мірѣ, все прекрасное въ немъ, доброе и истинное (Псал. 23, 7 сл. 46, 3. 8—9,—73, 12,—94, 3,—13, 7—10; Дѣян. 17, 28; 1 Кор. 10, 26. 28 изъ Псал. 23, 1,—1 Тим. 1, 17,—4, 4,—6, 15).

Частнѣе это *Царство Божіе или небесное* открывается тройко, соотвѣтственно тріпостасному проявленію Божества: какъ царство Отца, Сына и Духа (Матѣ. 28, 19).

„*Царство Бога—Отца Небеснаго—βασιλεία τοῦ Θεοῦ τοῦ Πατρὸς τοῦ ἐν τοῖς οὐρανοῖς*“, по Своей любви рождающаго Единороднаго Сына Своего, творящаго и спасающаго міръ,—*царство Любви* (Кол. 1, 13 Матѣ. 5, 48; 10, 29; 11, 25 Иоан. 3, 16. 35 Іак. 1, 17; 1 Иоан. 2, 15; 3, 1; 4, 7—8. 16; 5, 3,—1 Кор. 15, 24 Еф. 4, 6 Евр. 12, 9 и мн. др.).

Но Богъ-Отецъ и Богъ-Любовь и въ міротвореніи и въ міропромышленіи и въ міроspасеніи дѣйствуетъ и проявляетъ Себя—Свою Отчую любовь—чрезъ Единороднаго Сына Своей любви, чрезъ Бога-Сына и Логоса (Разумъ-Слово), по исполненіи временъ ставшаго плотію или Богочеловѣкомъ (Иоан. 1, 1—18; 5, 17 сл. 10, 37—38; 14, 7 дал. Гал. 4, 4 Колос. 1, 13—18 Ефес. 3, 9 и др. мн. пар.). Нераздѣльно съ небеснымъ царствомъ Божіимъ вообще и частнѣе—съ царствомъ Бога-Отца и Бога-Любви, въ мірѣ есть и „*царство Сына*“ Божія и Логоса, воплотившагося во Христѣ Богочеловѣкѣ,—„*царство Христова и Божіе—βασιλεία τοῦ Χριστοῦ*“ (Ефес. 5, 5; 2 Петр. 1, 11 Апок. 11, 5 ср. Лук. 1, 33; 22, 30; 23, 42 Иоан. 18, 36 др.),—царство Бога-Сына и Бога-Слова, царство Христа—Спасителя—Богочеловѣка, царство Разума-Слова, истины и правды Христовой,—*царство Вѣры* (1 Иоан. 4, 14; 1 Тим. 4, 10 Иоан. 3, 15—17; 8, 32; 14, 6; 18, 36—37 ср. Рим. 1, 32; 1 Кор. 13, 12; 2 Кор. 1, 13,—Еф. 1, 13,—4, 13; Кол. 1, 10; 2, 2; 3, 10,—1 Тим. 2, 2; 4, 3 др. мн.). Во внѣ-и до-христианскомъ мірѣ (Ветхій Завѣтъ) это—весь міръ по своей логологической сторонѣ, какъ произведение и отраженіе Бога-Логоса, какъ свѣта міра и жизни всего вообще человѣчества,—частнѣе—язычество („въ мірѣ былъ и міръ чрезъ Него сталъ и міръ Его не узналъ“—Сократъ, Платонъ, Стоики, Филонъ) и особенно—избранный народъ Божій—Израиль („въ Свое—владѣніе—пришелъ и Свой—Іудеи—Его не приняли“) и Древній Завѣтъ (Ангель-Іегова, Премудрость Бо-

жія, мессіанская идеологія). А въ новомъ Завѣтѣ, послѣ того какъ „Слово плотью стало, полное милости и истины, и обитало въ насъ, и мы видѣли славу Его какъ Единороднаго отъ Отца“—все христіанство, „всѣ вѣрующіе въ Богочеловѣка, кто принялъ Его и кому Онъ далъ власть чадами Божиими стать, кои не отъ крови,—ни отъ желанія плоти ни отъ желанія мужа,—но отъ Бога родились“.

Но и въ Новомъ Завѣтѣ, какъ и въ Древнемъ, есть также особый избранный народъ Божій (1 Петр. 2, 9—10 Римл. 9, 25—26; 2 Кор. 6, 16 Евр. 13, 12 Апок. 21, 3), новый Израиль Божій (Гал. 6, 16 ср. Евр. 8, 8—13),—„Церковь—*ἐκκλησία*“ (Матѣ. 16, 18; 18, 17), какъ преимущественное и особенное, благодатно-тайнственное средоточіе и проявленіе славы Христа,—какъ святое и непорочное тѣло Духовнаго Главы—Спасителя Богочеловѣка, оживляемое, соединяемое и управляемое „*Богомъ—Духомъ Святымъ*“ въ одинъ цѣлостный и стройный организмъ, оживляемый и преображаемый надеждою обновленія и возрожденія во образъ Спасителя Христа. Это—преимущественное проявленіе и царство Бога-Духа („Царю Небесный“), нераздѣльно съ Отцомъ и Сыномъ дѣйствующаго и проявляющагося какъ вообще въ мірѣ и ветхозавѣтномъ человѣчествѣ (Быт. 1, 2 Иов. 33, 4 Прем. 1, 7 Псал. 50, 12; 103, 30; 138, 7 сл., ср. Дѣян. 28, 25; 2 Петр. 1, 21), такъ въ особенности въ Новомъ Завѣтѣ, преимущественно въ Церкви (Іоан. 4, 24; 7, 39; 20, 22 Матѣ. 3, 11; 10, 20 Дѣян. 1, 2—4; 2, 17—18. 33; Рим. 8, 11. 28 Гал. 4, 6; 1 Кор. 2, 10. 12,—3, 16; 6, 16. 19,—особ. 12 гл. 2 Кор. 3, 17—18 др. мн.),—Духа Господа и Утѣшителя (Іоан. 14, 17. 26; 15, 26; 16, 13; 2 Кор. 1, 22; 3, 17—18),—Духа радости, мира, любви, истины, правды (Римл. 14, 17 Гал. 5, 22; 1 Тесс. 1, 6 др.),—*Духъ* обѣтованія и *Надежды* (Римл. 15, 13 Гал. 5, 5 Ефес. 1, 13) на обновленіе человѣка (Тит. 3, 5), а съ нимъ и всей твари, въ свободу славы дѣтей Божіихъ (Римл. 8, 16—24; 2 Кор. 3, 17—18), въ жизнь вѣчную (Гал. 6, 8),—Коего полное проявленіе съ радостью ожидается вѣрующими, когда прекратится „частичное, гадательное, посредственное“ и настанетъ „совершенное, лицомъ къ лицу, непосредственное“ (1 Кор. 13, 10—13), когда посѣвъ „душевнаго тѣла“ возрастетъ въ „тѣло духовное“,—„тлѣнное облечется въ нетлѣнное и смертное въ бессмертное“,—когда мы свергнемъ

съ себя „образъ перстнаго“ и будемъ носить „образъ Небеснаго“ (1 Кор. 15, 44. 48—49. 53), „Человѣка-Господа съ неба“ или Богочеловѣка (1 Кор. 15, 47 ¹),—когда Христось „предастъ царство Богу и Отцу... и Богъ будетъ все во всемъ“ (1 Кор. 15, 24—28).

Какъ Древній Завѣтъ былъ какъ бы преимущественнымъ проявленіемъ славы и царствомъ Бога-Отца и прообразовательно-предначинательнымъ откровеніемъ славы и царства Слова-Сына, такъ Новый Завѣтъ, являясь какъ бы преимущественнымъ царствомъ и откровеніемъ славы Бога-Слова-Сына въ лицѣ Спасителя-Христа—Богочеловѣка, есть предначинательное царство Бога-Духа-Утѣшителя, имѣющее достигнуть своего полного осуществленія и проявленія послѣ второго прошествія Христа, въ царствѣ славы сыновъ Божіихъ. И какъ древній Израиль, служа Единому Богу и Отцу Небесному, долженъ былъ вести все человѣчество ко Христу и Его царству, такъ новый Израиль—Церковь своимъ назначеніемъ имѣетъ осуществленіе и распространеніе главенства Христа во всѣхъ народахъ земли, „чтобы было одно стадо и Одинъ Пастырь“ (Іоан. 10, 16) и все человѣчество стало однимъ живымъ соборно-всемірнымъ тѣломъ—Церковью Одного Главы—Спасителя Богочеловѣка, оживотворяемою Духомъ Святымъ, какъ и каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ одну главу, одинъ духъ, одно Я, одно самосознаніе, при одномъ же живомъ тѣлѣ, хотя и съ разнообразными членами и многочисленными элементами (Іоан. 10, 1 дал. 1 Кор. 12, 12 дал. 15, 25 дал. Ефес. 1. 20 дал. 4, 3 дал. 4, 13—16; 5, 23 Кол. 1, 15; 2, 19 дал. Филип. 2, 5 дал. др. мн.).

Такъ міръ, какъ царство Божіе и небесное вообще, является частнымъ и преимущественнымъ исторически, хотя и одновременнымъ и нераздѣльнымъ по существу, откровеніемъ славы и царствомъ Единосущной и Нераздѣльной Троицы—Отца-Сына-Духа,—Любви-Вѣры-Надежды (1 Кор. 13, 13).

Отсюда можетъ быть уяснено отношеніе христіанства къ „царствамъ мірскимъ“, къ „свѣтской или мірской власти“.

¹) Слово *ὁ Κύριος* хотя и не читается многими, но древность его во всякомъ случаѣ удостовѣрена Александрійскимъ кодексомъ А, также S и D, b и c и др. мн. Сир Гот Ориг Терт Злат Кир алекс. и др.

Царство Христово „не отъ міра сего“ (Іоан. 18, 16), что „весь во злѣ лежитъ“, но „отъ Бога, свѣше, съ неба приходитъ“,—оно есть царство духовной свободы, добра, святости, жизни и блаженства.

Но таковымъ царство Христово созерцается вѣрующими христіанами только въ своемъ отдаленномъ конечномъ назначеніи, въ идеалѣ. Въ данной же дѣйствительности, въ исторіи спасенія міра, каждый членъ царства Христова носить въ себѣ силу „мірскаго грѣха“, а вмѣстѣ и необходимо—страданія и смерти. Богоподобно-христіанскою стороною своего существа онъ служитъ Богу и добру, обвѣвается Вѣрою-Надеждою-Любовью,—есть членъ тѣла—церкви Христовой,—святъ, безсмертенъ, блаженъ. Но съ другой стороны онъ, какъ и всѣ люди, въ то же время находится во власти грѣха, въ подданствѣ міродержцу тьмы вѣка сего, грѣшитъ, страдаетъ, умираетъ (Римл. 7, 14 дал. Гал. 2, 17 дал. Іоан. 1, 8 ср. 3, 8—10 др.). И такъ это не только въ царствѣ Христовомъ, но и во всѣхъ людяхъ, даже во всемъ космосѣ, во всѣхъ его существахъ—разумныхъ и неразумныхъ (Римл. 8, 20 дал. Іоан. 1, 29).

Здѣсь дана *временно-историческая* необходимость „мірскаго царства“ при „царствѣ Христовомъ“,—„царствѣ земныхъ“ рядомъ съ „царствомъ небеснымъ“, „человѣческихъ“ вмѣстѣ съ „Божьимъ“,—до времени достиженія челоуѣчествомъ Христовымъ „совершеннаго возраста Христова“.

Уже въ ветхозавѣтной *теократіи* учрежденіе „мірскаго царства“ было дѣломъ *человѣческаго произволенія*, а *Божьяго* только *соизволенія*. Со стороны іудеевъ это было отверженіемъ царства Бога, „чтобы Онъ не царствовалъ надъ ними“ (1 Цар. 8, 9), причемъ ясно были опредѣлены права царя и обязанности народа—чисто-гражданскія и политическія: государственная служба, военная повинность, подати, рабство и пр. (ст. 9—10 ср. Дѣян. 13, 21: они просили, и Богъ имъ далъ). Очевидно это было такимъ же приниженіемъ или примѣненіемъ теократическаго идеала по исторической и этнографической необходимости, какъ и допущеніе развода Моисеемъ было приниженіемъ и примѣненіемъ изначальнаго брачнаго идеала по жестокосердію евреевъ, какъ временно-историческая мѣра и промыслительно-педагогическое средство для воспитанія души еврея къ усвоенію новозавѣт-

ныхъ идеаловъ брака и царства Христова (Матѳ. 5, 27—28. 31—32; 19, 3—15).

Такія же примѣненія идеала,—временно-историческія и идеаломъ не требующіяся, даже принижаящія его, какъ нѣчто, по отношенію къ идеалу, „излишнее—τὸ περισσόν“,—идеальной нравственности брачной грѣховною похотью мужчины въ отношеніи къ женщинѣ (Матѳ. 5, 28), по необходимости дѣторожденія и продолженія человѣческаго рода для осуществленія цѣли спасенія міра въ многовѣковомъ историческомъ процессѣ достиженія человѣчествомъ въ Церкви Христовой совершеннаго возраста, вслѣдствіе „міроваго грѣха—σάρτια τοῦ κόσμου“ (Іоан. 1, 29) или „изъ за зла—ἐκ τοῦ πονηροῦ“ (Матѳ. 5, 37),—мы видимъ и въ христіанствѣ. Отсюда, на примѣръ, пониженіе „великой тайны“ идеально-христіанскаго брака, какъ святаго и нерасторжимо-единого союза мужа и жены въ одну плоть для порожденія истинныхъ и духовныхъ „чадъ Божіихъ“ (Іоан. 1, 12—13), во образъ „великой тайны“ святаго и нерасторжимо-единого союза Христа съ Церковью (Ефес. 5, 23—33; Матѳ. 5. 27—32; 19, 3—15 и парал. Марк. 10, 2—16; Лук. 16, 18; 1 Кор. 7, 10—11), въ исторической жизни Церкви,—допущеніемъ развода и повторяемости брака „вслѣдствіе распутства“ супруговъ (именно „распутства πορνεία“, нарушенія и извращенія вообще половой нравственности, а не „прелюбодѣяннія—μοιχεία“ только, нарушенія брачной нравственности, морально приравнивающагося къ „всякій, смотрящій на женщину съ похотью къ ней, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“). Здѣсь же свою причину имѣетъ допускаемое или терпимое христіанско-церковнымъ бракомъ пониженіе идеальной нравственности христіанскаго брака, чистоты и святости тайны союза мужа и жены во образъ великой тайны союза Христа съ Церковью,—„похотью мужчины въ отношеніи къ женщинѣ“ („всякій смотрящій πᾶς βλέπων“, безъ ограниченія—всякій мужчина, слѣд. и мужъ,—„на женщину—γυναῖκα“, также неограниченно безъ τῆρ, т. е. на всякую вообще женщину, слѣд. и на жену,—„съ похотью—πρὸς τὸ ἐπιθυῖναι, различеніе: „къ ней—αὐτήν“,—„уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ—ἤδη ἐμοίχευσε αὐτήν“, уже совершилъ прелюбодѣянніе, нарушилъ идеальную чистоту тайны христіанскаго брака), по необходимо-

сти дѣторожденія и продолженія рода человѣческаго для осуществленія цѣлей спасенія міра въ многовѣковомъ историческомъ процессѣ возрастанія Церкви въ мѣру совершеннаго возраста Христова ¹⁾. Отсюда же—рядомъ съ идеальнымъ: „не клясться совѣмъ, но да будетъ слово ваше: да да, нѣтъ-нѣтъ“—допускается и нѣчто „сверхъ сего или лишнее“, идеаломъ христіанской правды не требующееся и допускаемое Церковью только ради совѣсти немощнаго брата (Рим. 15, 1,—1 Кор. 8, 11 и 9, 22),—именно вслѣдствіе несовершенства и слабости членовъ Церкви, ихъ грѣховности, „изъ-за зла—ѣх тоῦ ποιητοῦ, въ коемъ міръ весь лежитъ“. И др. под.

Такимъ же „излишкомъ изъ-за зла“ являются и „мірскія царства“ въ христіанствѣ.

Рабство грѣху и подвластность міродержителю тьмы вѣка

¹⁾ Апостолы вполне поняли трудность даннаго Христомъ идеала брака, когда сказали: „если такова отвѣтственность чловѣка съ женою (т. е. женатаго), не подобаетъ брачиться“. „Но (δὲ—противоположеніе) Господь сказалъ имъ: „не всѣ вмѣщаютъ слово (ученіе, идеаль) это, но кому дано (наиболѣе совершенные носители духа Христова, избранники), ибо есть...скопцы (дѣвственники), кои осконили себя (сдѣлали себя дѣвственниками) для царствія небснаго (дѣвственники безбрачныя и брачныя: первые—для личнаго достиженія царства небснаго и введенія въ него другихъ путемъ апостольства, вторые—и порожденіемъ и воспитаніемъ для Церкви истинныхъ чадъ Божіихъ): могущій да вмѣщаетъ“ этотъ идеаль христіанскаго брака,—по мѣрѣ силъ своихъ да приближается къ нему. Но не сразу, не всѣ, не вполне. Поэтому церковью допускается и освящается и бракъ „съ разводомъ, съ похотью къ женщинѣ и съ прелюбодѣяніемъ супруговъ“,—для порожденія дѣтей и размноженія рода человѣческаго. По очевидной идейной связи съ этимъ ученіемъ о бракѣ Евангелистъ помѣщаетъ разсказъ о благословеніи дѣтей Христомъ (у Ев. Луки это событіе соединено съ ученіемъ Христа о смиреніи, вопреки самопревозношенію фарисеевъ: Лук. 18, 15—17), „ибо таковыхъ есть царство небсное“, т. е. безъ порожденія таковыхъ въ христіанско-церковномъ бракѣ, какъ таинственномъ сочетаніи мужа и жены въ плоть одну—для дѣторожденія Церкви чадъ Божіихъ (и, конечно, безъ нравственнаго подражанія имъ—объ эти мысли соединены и нераздѣльны),—невозможно достиженіе Церковью совершеннаго возраста Христова. Вотъ почему „запрещающихъ бракъ“ Апостоль называетъ „отступниками отъ вѣры и послѣдователями ученій бѣсовскихъ“ (1 Тим. 4, 1—3). Тою же идеологіей нерасторжимости таинственнаго брака, объясняется, что Давидъ, по Матѣ. 1, 6, родилъ Соломона не отъ своей жены, а отъ жены Урія, хотя Урія былъ уже мертвъ и его вдова была уже законною женою Давида.

сего, какъ мы сказали, есть неизбѣжный удѣлъ каждаго потомка Адама перстнаго и земнаго, слѣд. и всѣхъ членовъ тѣла Христова—Церкви. Отсюда вмѣстѣ съ добрымъ посѣвомъ въ царствѣ Христовомъ растеть и посѣвъ плевель зла діаволомъ, до времени жатвы и совершеннаго возраста царства Христова (Матѳ. 13, 24—30). Зло, грѣхъ и смерть, вмѣстѣ съ постепеннымъ перерожденіемъ ветхаго человѣка по образу Адама перстнаго въ новаго человѣка по образу второго Адама Небснаго и Человѣка-Бога или Богочеловѣка, пребываютъ и дѣйствуютъ въ человѣчествѣ, доколѣ послѣдній врагъ Христа упразднится—смерть.

И вотъ для того, чтобы дѣтвовать и перерождать эту злую сторону человѣчества къ добру по идеалу царства Христова,—чтобы спасать и цѣлить (*σώζειν*) человѣка, вести къ предначертанному совершенству, какъ совершенъ Отецъ Небсный (Матѳ. 5, 48), путемъ обузданія и испраздненія въ немъ зла,—дается въ христіанствѣ, между прочимъ, и особый, хотя и временно-условный, но исторически необходимый пѣступь—„*государство*“.

Съ точки зрѣнія христіанскаго идеала, государство, какъ и разводъ, клятва и др. мн., есть нѣчто, само по себѣ *τό περιβόη* и *ἐκ τοῦ ποτηροῦ*, поскольку *ὁ κόμπος ὄλος ἐν τῷ ποτηρῷ κείται*. Но оно необходимо „оставляется расти вмѣстѣ съ добромъ“ (Матѳ. 13, 30) въ христіанствѣ до времени жатвы, чтобы „всѣ царства міра со всею ихъ властью и славою, преданныя князю міра сего и раздаваемыя имъ по его желанію“ (Матѳ. 4, 5—6 Лук. 4, 5—6), путемъ хотя и медленнаго, но постепеннаго прогрессивно-историческаго, какъ внѣшняго такъ и внутренняго, охристіаненія человѣчества,—подъ живымъ и дѣйственнымъ проникновеніемъ Слова Божія во внутреннія глубины человѣческаго духа и таинственнымъ вѣяніемъ на него божественной благодати,—окончательно перешли отъ міродержца тьмы вѣка сего ко Христу и Богу и стали „однимъ стадомъ Одного Пастыря“.

Это—съ одной стороны. Но въ мірской государственной власти есть и другая сторона, столь же необходимо еѣ присутствующая. Человѣкъ, по самой природѣ своей, какъ образъ Бога, необходимо имѣеть въ себѣ божественное начало, влекущее его духъ горѣ, къ небу, къ добру, къ Богу и Христу. Человѣкъ можетъ быть безбожникомъ (отрицать теоре-

тически Бога и въ практической жизни не думать о Богѣ), нехристомъ (не признавать Христа и не вѣрить Евангелію), даже антихристомъ (гнать и распинать Христа и Его послѣдователей). Но, безъ самоуничтоженія, онъ не можетъ быть антиеосомъ, противобогомъ,—ибо тогда онъ пересталъ бы быть человѣкомъ ¹⁾. Поэтому во всѣхъ „мірскихъ царствахъ и во всякой свѣтской власти“,—независимо отъ того, будутъ ли онѣ христіанскія или нехристіанскія,—есть и то, что „отъ Бога и Богомъ учинено“,—что является „служеніемъ Богу“, „обузданіемъ зла“ и осуществленіемъ „добра“ (Римл. 13, 1 дал.),—„удерживающимъ зло“ (2 Тесс. 2, 6—7),—Богъ есть „Царь царей и Господь господъ“ (1 Тим. 6, 15 Апок. 17, 14 и 19, 16)“,—„Имъ цари царствуютъ и властители держатъ землю“ (Притч. 8, 15—16),—„Киръ есть помазанникъ Бога“, исполняющій Его велѣнія и находящійся подъ Его руководствомъ и охраною (Иса. 45, 1),—также и „Иисусъ Христокъ, Свидѣтель вѣрный, Первенецъ мертвыхъ“, есть „Князь царей земли“ (Апок. 1, 5).

Чтобы яснѣе представить значеніе „мірской власти“ въ исторіи царства Христова на землѣ, воспользуемся сравненіемъ, на которое уполномочиваетъ насъ священный терминъ „спасеніе—*σωτηρια*“, отъ *σως*—цѣлый, здоровый, нормальный,—цѣленіе, оздоровленіе, приведеніе въ норму.

Какъ тѣлесное „цѣленіе“, такъ и духовное „спасеніе“ имѣютъ двѣ стороны: отрицательную и положительную.

Первая при тѣлесномъ цѣленіи также состоитъ изъ двухъ сторонъ: *субъективное* воздержаніе или діета *больнаго* и общій режимъ его жизни, соотвѣтственный терапевтическимъ требованіямъ леченія болѣзни,—и *объективное* воздѣйствіе *врача* на больнаго для ослабленія болѣзни посредствомъ ли другаго, хотя и противодѣйствующаго цѣлимой болѣзни, но въ свою очередь также болѣзнетворнаго лекарства (яды),—или же введеніемъ въ организмъ того же самаго болѣзнетворнаго, но обезвреженнаго для организма, начала (прививки). Соотвѣтственно этому и *отрицательная* сторона духовнаго

¹⁾ Замѣчательно, что попытки людей къ самообоженію соединяются съ сумасшествіемъ: Навуходоносоръ, Бруно Бауеръ, Ницше, сектантскіе психопаты. Очевидно, нормальная психика человѣка не допускаетъ и не выноситъ этой психико-логической невозможности.

цѣленія или спасенія человѣка отъ грѣха, страданій и смерти совершается двояко: *субъективно*—черезъ духовную діету человѣка и подвиги его покаянія, — и *объективно*—черезъ то, что Спаситель или Цѣлитель (*σωτήρ*) нашъ, Богочеловѣкъ, Безгрѣшный, сталъ „Агнцемъ Божиимъ берущимъ на Себя грѣхъ міра“ (Іоан. 1, 29,—1 Іоан. 3, 5),—Онъ, Самъ „не знавшій грѣха, за насъ грѣхъ содѣлалъ, чтобы мы стали правдою Божіею въ Немъ“ (2 Кор. 5, 21), ибо „Богъ, Своего Сына пославъ въ подобіи плоти грѣха и за грѣхъ осудилъ грѣхъ во плоти, чтобы правда закона исполнилась въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу“ (Римл. 8, 3),—Безболѣзненный; „Онъ немощи наши взялъ и болѣзни понесъ“ (Матѣ. 8, 17), такъ что „Его язвою мы исцѣлились“ (—1 Петр. 2, 24 ср. Евр. 8, 28 др.),—Безсмертный Самъ, какъ не имѣвшій въ Себѣ „оброка и жала смерти—грѣха“ (Римл. 6, 23; 1 Кор. 15, 55), Онъ „умеръ за грѣхи наши (Рим. 4, 25,—1 Кор. 15, 3), чтобы черезъ смерть упразднить имѣющаго владычество смерти“ (Евр. 2, 14 ср. 1 Кор. 15, 54—56 др.).

Положительная сторона тѣлеснаго леченія состоитъ въ томъ, что въ организмъ вводятся начала, кои повышаютъ жизнеспособность организма, восстанавливаютъ произведенныя болѣзнію разрушенія, возрождаютъ организмъ и возводятъ его къ нормѣ. Въ духовномъ цѣленіи или спасеніи человѣчества и всего міра такимъ положительнымъ началомъ является „Логосъ ставшій плотью“ или „Человѣкъ-Господь“, какъ безгрѣшный, блаженный и бессмертный Богочеловѣкъ служащій идеаломъ для спасаемаго человѣчества,—„умерщвленный плотію, ожившій же духомъ“ (1 Петр. 3, 18), „преданный (на смерть) ради преступленій нашихъ и воскресшій ради оправданія нашего“ (Римл. 4, 25),—кратко: смерть Спасителя есть отрицательная, а воскресеніе Его—положительная сторона спасенія человѣчества. Постоянное, внутреннее и дѣйственное проникновеніе этого, содержащагося въ Словѣ Божіемъ, идеала въ глубины человѣческаго духа (Евр. 4, 12),—вѣра въ Него, надежда на Него, любовь къ Нему,—при непрестанномъ таинственномъ (въ таинствахъ Церкви) вѣяніи благодати Святаго Духа надъ человѣкомъ,—медленно и, быть можетъ, не всегда замѣтно, но неуклонно и постепенно возрождаютъ ветхаго человѣка въ новаго, со-

зданнаго по Христу, преобразующагося въ образъ Христовъ—изъ душевнаго въ духовнаго.

Но совершенное Христомъ дѣло спасенія міра и человечества продолжается въ исторіи царства Христова на землѣ, по тому же типу. И здѣсь государство и Церковь стоятъ рядомъ: государство имѣетъ свое мѣсто въ отрицательной сторонѣ, а Церковь—въ положительной. Объединяясь въ своихъ конечныхъ цѣляхъ—служеніе добру и Богу, а государства христіанскія—въ служеніи правдѣ Христовой и христіанскому идеалу,—Церковь и государство разнствуютъ въ своихъ средствахъ, области дѣйствованія и способахъ проявленія. Будучи „отъ Бога“ и „Богомъ учинены“, какъ „Божіе установленіе“,—„всѣ существующія власти верховныя“ (государственныя) суть „служители Бога“ для осуществленія „добра“ въ мірѣ и „сдерживанія“ зла посредствомъ „не напраснаго меча“ и „отмщенія и наказанія злодѣя“. Въ основѣ государства лежитъ *jus talionis*: „жизнь за жизнь, око за око“. Злодѣи, не признающій никакого права, кромѣ вѣншей силы, долженъ знать, что въ государственной власти онъ имѣетъ соотвѣтственнаго его праву отмстителя,—что „всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ должны (*απολοῦνται*—буд. въ смыслѣ долженствуюмости) погибать“ (Матѣ. 26, 52),—что „если кто мечемъ убьетъ, долженъ самъ быть мечемъ убитъ“ (Апок. 13, 10),—что государство „не напрасно мечъ носить“. Здѣсь такимъ образомъ „удержаніе“ зла и „отмщеніе злодѣю“ дѣлается посредствомъ того же зла: зломъ за зло, смертью за смерть, казнъ и война и кровопролитіе. Другихъ средствъ нѣтъ для злодѣевъ, взявшихъ мечъ и дѣйствующихъ по праву силы. Церковь и Христіанство, напротивъ, борются „не съ плотью и кровью“ (какъ государство), т. е. не съ людьми, злодѣйствующими по плотскому праву силы и насилія вѣншняго, но „съ духами зла“, съ внутреннимъ и духовнымъ врагомъ челоуѣка-грѣхомъ и его первовиновникомъ—духомъ зла и отцомъ лжи. Поэтому здѣсь „не по плоти воинствованіе и не плотскими оружіями“ (2 Кор. 10, 4), но берется „всеоружіе Божіе: опоясаніе чреслъ истинною, облаченіе въ броню правды, обутие ногъ готовностью къ благовѣстію мира, щитъ вѣры, шлемъ спасенія и мечъ духовный, то-есть Слово Божіе“ (Ефес. 6, 11—17), которое „живо и дѣйственно и острѣ всякаго меча обоюдоостраго

и проникаетъ до раздѣленія души и духа“ (Евр. 4, 12). Вмѣсто „жизни за жизнь“, „ненапраснаго меча“ и „отмщенія злодѣю“, здѣсь не противленіе злу зломъ и не воздаваніе зломъ за зло, но „преодолѣніе зла добромъ“ (Матѣ. 5, 38—39; 1 Петр. 3, 9 Рим. 12, 17—21; 1 Фес. 5, 15),—кротость, всепрощеніе, милость, благотвореніе, миротвореніе, вообще любовь ко всѣмъ, даже къ врагамъ (Матѣ. 5, 5. 7. 9. 24. 38—47). Область дѣйствія: государства—въ народахъ и странахъ, исторически слагающихся въ національныя и политическія группы,—Церкви—только въ вѣрующихъ христіанахъ, объединенныхъ въ соборно-живое тѣло Христа, гдѣ „нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни варвара ни скиѣа, ни раба ни свободнаго, ни мужчины ни женщины, но новый человекъ, обновляемый въ познаніи по образу Создавшаго его“—„всѣ одно во Христѣ“ и „все и во всѣхъ Христось“ (Гал. 3, 28 Колос. 2, 9—11). Наконецъ проявленіемъ „ненапраснаго меча“ государственнаго служить внѣшне-мірской,—семейный, общественный и международный,—порядокъ и благоустроеніе мира, требуемаго „Богомъ мира и порядка (1 Кор. 1, 14, 38 ср. Рим. 15, 5. 13,—16, 20),—обузданіе зла, устрашеніе злодѣевъ, сдерживаніе анархіи и пр. под. А проявленіе „меча духовнаго“ въ Церкви есть духовное возрастаніе вѣрующихъ въ вѣрѣ-надеждѣ-любви Христовой,—стройно-сочлененный организмъ соборно-церковнаго тѣла Христова, растушаго въ мѣру совершеннаго возраста.

При такомъ нормальномъ отношеніи Церкви и государства въ дѣйствительности должно быть невозможнымъ „лучше повиноваться Богу, чѣмъ вамъ“, ибо „Божіе и Кесарево“ объединяются въ своихъ цѣляхъ, разнствуя только въ средствахъ, области дѣйствія и проявленіи „Божьяго“ и „добра“. „Ненапрасный мечъ“ страшенъ только для „злодѣевъ“, а не для „добротворцевъ“,—для антихристовъ всякаго рода, а не для христіанъ. Отъ меча должны погибать только тѣ, кто сами берутъ мечъ, а не тѣ, кои не должны извлекать меча изъ ноженъ,—не противятся злу зломъ, но побѣждаютъ зло добромъ ¹⁾).

¹⁾ „Возврати мечъ твой въ мѣсто его, ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ должны погибать“ (Матѣ. 26, 52), а догмю христіанства должно быть: „не противостоять злу“ зломъ и не воздавать за зло зломъ, но побѣждать зло добромъ (Матѣ. 5, 38; 1 Петр. 3, 9 Рим. 12, 17—21; 1 Фес. 5, 15).

Въ частности, государственная власть *христіанская* должна быть всецѣло обвѣяна духомъ христіанства, проникнута христіанскимъ идеаломъ и стремиться къ возможному и постепенному осуществленію этого идеала во внутренней жизни каждаго государства и въ его внѣшне-политическихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, соотвѣтственно внутренне-духовнымъ и внѣшне-тѣлеснымъ условіямъ своей жизни, доколѣ всѣ народы земли стануть однимъ всечеловѣческимъ стадомъ *Однаго Пастыря* и однимъ соборно-всечеловѣческимъ Тѣломъ—*Церковью Однаго Главнаго—Спасителя Богочеловѣка*, подобно какъ человѣкъ имѣетъ одинъ духъ, одно я, одно самосознаніе и одно живое и стройно организованное тѣло, при многочисленности и разнообразіи его членовъ и составовъ.

Но и *нехристіанскія* государства, кои „всѣ и вся ихъ власть и слава преданы діаволу,—и кому онъ хочетъ, даетъ“ (Матѣ. 4, 8—9 Лук. 4, 6),—суть также „отъ Бога“, „служители Бога“, „не напрасно мечъ носятъ“, „на добро“ и „въ отмщеніе и обузданіе зла“,—и также отрицательно содѣйствуютъ проявленію и осуществленію правды Божіей на землѣ. Вавилонское, Персидское, Македонское и Римское языческія государства воспитывали въ людяхъ чувство и исканіе вселенской правды Божіей, всенароднаго единства, всечеловѣческой соборности. Всецѣло и безусловно противобожественное или безбожное государство также невозможно, какъ немислимъ человѣкъ безъ образа Божія въ себѣ. Безбожное государство человѣческое есть отрицаніе государства, какъ безбожный челсвѣкъ не есть человѣкъ. Даже антихристъ въ Писаніи представляется только „противникомъ и презрителемъ всего, что называется Богомъ, и только показывающимъ Себя, что Онъ есть Богъ“, но все же „*человѣкомъ* беззаконія или грѣха“, а не противобогомъ,—только антихристомъ, а не антиеосомъ (2 Тесс. 2, 3—4). Поэтому не только всѣ, даже враждебныя христіанству, государства въ ихъ цѣломъ, но и отдѣльные представители „верховой власти“, гнавшіе христіанъ, въ своей сущности и по своей идеальной сторонѣ, были также „отъ Бога“, „слуги Бога“ и „не напрасно мечъ носили“,—„на добро“ человѣчеству, „на страхъ и въ отмщеніе злодѣямъ“ и „для удержанія“ и обузданія враговъ божественнаго порядка въ мірѣ и законности. И Промыслъ

всегда обращаетъ ихъ въ орудіе славы Христовой, проявляя чрезъ нихъ внутреннюю и непреодолимую мощь христіанства, какъ неискоренимой силы Божіей въ человѣчествѣ.

Христіанство и государство мы беремъ отвлеченно, по идеѣ, въ ихъ типическомъ видѣ. Въ дѣйствительности возможны и бывають смѣшенія. Главнѣйшія и типичнѣйшія изъ нихъ: *католическій папизмъ*, когда христіанство и церковь берутся за плотской мечъ мірской власти,—и *протестантскій цезаризмъ*, когда верховная мірская власть стремится возглавлять церковь и царство Христово. Это смѣшеніе или недостаточное разграниченіе „духовнаго и плотскаго мечей“, основанное на оплотяненіи „меча духовнаго“ и омірщеніи „царства не отъ міра сего“ съ одной стороны, и на одухотвореніи, конечно мнимомъ и только воображаемомъ, „слѣдствій зла“ (*τὸ περιβόη ἐκ τοῦ ποταμοῦ*) въ мірѣ и „меча плотянаго“, — „не напрасно носимаго“, но „причиняющаго смерть берущимся за него“—съ другой,—сопровождается, какъ учитъ исторія, самыми прискорбными слѣдствіями какъ для власти мірской такъ и для церкви.

Такое же смѣшеніе христіанства и государства, но уже не какъ злоупотребленіе, а по самому существу, представляетъ и социализмъ, какъ въ теоріи такъ и въ практикѣ. Онъ стремится искоренять зло въ человѣчествѣ *плотскими* средствами, уничтожить *моральный* безпорядокъ или то, что зависитъ отъ моральной причины, путемъ *материальнымъ*, достигнуть *духовнаго* блага для *плотской* жизни.

Уяснимъ дѣло на частномъ примѣрѣ.

„Жизнь человѣка не изъ-за хлѣба одного, но для Слова Божія“,—т. е. не удовлетвореніе только низшихъ и животныхъ потребностей тѣла, но и служеніе идеаламъ духа и высшимъ сторонамъ человѣческаго существа—это благо служитъ цѣлью и христіанства и государства и социализма.

Социализмъ воображаетъ достигнуть этого путемъ внѣшняго уравненія и обобществленія средствъ питанія или имуществъ. Но корень имущественнаго неравенства и злоупотребленій богатствомъ лежитъ не во внѣшнесоціальныхъ условіяхъ, самихъ по себѣ, а во внутренне-грѣховной сторонѣ человѣческаго духа, въ эгоизмъ. Не искореняя этой основы семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ бѣдъ, социализмъ можетъ только бредить о благѣ

или же производить только временныя революціи въ государствахъ, съ перемѣщеніемъ только зла отъ однихъ общественныхъ слоевъ въ другіе, но безъ уничтоженія его. Живой корень всегда дастъ отъ себя и живые ростки. Поэтому въ смутѣ, беспорядкѣ и революціи—трагедія социализма.

Сдѣлать общимъ и, за невозможностью этого въ настоящее время безъ насилія и революціи, по крайней мѣрѣ хоть сколько нибудь приблизить общее для всѣхъ гражданъ пользованіе наибольшимъ числомъ необходимыхъ предметовъ жизни (общегосударственное питаніе нищихъ, упрощеніе и удешевленіе путей сообщенія, даровое просвѣщеніе и под.)—составляетъ задачу всякаго благоустроеннаго государства и его истинное призваніе. Но мы знаемъ уже, что государство ограничивается только внѣшне-плотяною и матеріальною стороною благосостоянія гражданъ и достигаетъ этого ненапраснымъ ношеніемъ плотскаго меча—на благо добродѣтельнымъ и на страхъ врагамъ государственности, въ отмщеніе злодѣямъ. Правда, если и не совсѣмъ пока избавляя (что есть дѣло будущаго), то, по крайней мѣрѣ, облегчая гражданамъ удовлетвореніе низшимъ и плотянымъ потребностямъ человѣка, государство освобождаетъ наибольшее количество духовной энергіи человѣчества на служеніе „Слову Божію“ и идеаламъ духа, и тѣмъ самымъ является „отъ Бога“ и „слуга Бога“ „на добро“. Но это служеніе—только отрицательное и плотяно-матеріальное, состоящее только въ устраненіи низшихъ и плотскихъ препятствій къ служенію Богу духомъ и истинною и посредствомъ внѣшне-плотскаго меча. Государство (идеальное) можетъ дать гражданамъ жизнь не изъ-за хлѣба одного, дать имъ этотъ хлѣбъ,—но оно не въ состояніи сообщить людямъ жизнь для Слова Божія и идеаловъ духа, для Христа, во Христѣ и по Христу.

Это—дѣло христіанства вообще и Церкви—преимущественно. Неослабная борьба съ гнѣздомъ зла—плотяностью и грѣховностью (отрицательная сторона спасенія), непрерывное устремленіе духа горѣ, къ небу, къ Богу,—постепенное воображеніе въ себѣ Христа и возрожденіе изъ ветхаго въ новаго человѣка по образу Спасителя Богочеловѣка (положительная сторона спасенія), при постоянномъ надъ членами Церкви—тѣла Христова вѣяніи благодати Святаго Духа (таин-

ственно-благодатное условіе спасенія): вотъ средства, коими Церковь ведетъ своихъ членовъ къ жизни не изъ-за хлѣба одного, но для Слова Божія.

Отсюда видимъ, что государство и Церковь стремятся къ осуществленію своихъ благихъ цѣлей однородными имъ средствами. Государство имѣетъ своимъ призваніемъ достиженіе внѣшне-матеріальнаго благосостоянія гражданъ и внѣшне-матеріальными средствами, чтобы облегчить имъ служеніе духовному благу и Богу,—путемъ отрицательнымъ и устраненіемъ зла. А Церковь уже прямо ведетъ своихъ членовъ къ этому духовному благу и путемъ духовнымъ, положительнымъ,—даяніемъ блага Христова. Напротивъ социализмъ стремится разорвать это единеніе Церкви и государства въ единствѣ общихъ и конечныхъ цѣлей, при различіи средствъ, смѣшивая Церковь и государство, мечтая о духовныхъ благахъ при помощи матеріальныхъ средствъ и бредя о невозможныхъ—соціалистическомъ государствѣ и соціалистической религіи. Незаконно врываясь въ чуждыя области государства и Церкви,—похищая у Церкви—цѣли, а у государства—средства и представляя невозможное смѣшеніе несоединимыхъ разнородностей,—социализмъ въ концѣ концовъ только производить смуту и революцію тамъ и здѣсь. Сбѣять вѣтеръ, чтобы пожинать бурю:—необходимая и прискорбная судьба соціалистическаго бреда, его трагедія.

Все сказанное служить общимъ ключемъ къ частному толкованію соответствующихъ мѣстъ Новаго Завѣта.

а) *Матв. 22, 15*: „Кесарево Кесарю и Божіе Богу“. Не „но“—*καὶ* или же *ἢ*, но „и“—*καί*, т. е. и Кесарю и Богу, каждому свое. Стало-быть, есть что-то объединяющее Божіе и Кесарево, общее въ отношеніяхъ человѣка и къ Богу и къ Кесарю, т. е. и въ „Кесарево Кесарю“ есть нѣчто „Божіе Богу“. И это „Божіе Богу“ есть именно тотъ благопорядокъ или „добро“, коего служителемъ является государство. Въ толкуемомъ евангельскомъ повѣствованіи этимъ благомъ является одна изъ частныхъ государственныхъ повинностей, именно подать. Она есть одно изъ первичныхъ проявленій и осуществленій государственности, ибо возвышаетъ человѣка надъ звѣрскимъ состояніемъ взаимной грызни другъ друга (Гал. 5, 15) и войны cadaго противъ всѣхъ. Посредствомъ подати производится обобществленіе частнаго вла-

дѣнія и обращеніе его на общегосударственную пользу—для всѣхъ гражданъ: школы, дороги, благотворительныя учрежденія, обезпеченіе старости и неспособности къ труду и пр. Государство стремится къ постепенному и возможному, при данныхъ условіяхъ, обобществленію необходимыхъ средствъ жизни, этою постепенностью, закономѣрностью и примѣняемостью отличаясь отъ революціонныхъ и насильственныхъ переворотовъ социализма и сродныхъ ему утопій. А въ своей конечной цѣли это „Кесарево Кесарю“, или, частнѣе, податъ сходится съ христіанскимъ идеаломъ „Божіе Богу“, такъ какъ постепеннымъ облегченіемъ гражданамъ пользованія предметами первой необходимости освобождаетъ духовную энергію отъ животной жизни изъ-за хлѣба одного и неразумнаго копленія тлѣнныхъ и ничтожныхъ сокровищъ земныхъ для высшей и благороднѣйшей жизни изъ-за Слова Божія и духовныхъ идеаловъ,—для преимущественнаго исканія Царства Божія и правды его, предоставляя эту низменную заботу о ѣдѣ и питъѣ безразсуднымъ (*ἄφρων*) богачамъ и невѣрующимъ материалистамъ—язычникамъ.

б) Подробнымъ истолкованіемъ къ изреченію Спасителя служить разсужденіе Ап. Павла въ *Римл. 13, 1—10* и *парал. въ 1 Петр. 2, 13—14* ср. 3, 13.

„*Всяка душа*“,—носительница образа Бога, какъ Владыки всего и Бога порядка и мира, слѣд. какъ нѣчто врожденное и необходимое,—„*властьямъ верховнымъ*“, буквальнойнѣе „*преилицимъ*“ (ср. 1 Тим. 2, 2 и 1 Петр. 2, 13),—очевидно государственнымъ и имѣющимъ законныя государственныя полномочія, а не самочиннымъ и самовольно дѣйствующимъ бунтарямъ, самозванцамъ и узурпаторамъ, пока они непризнаны и необъявлены законною государственною властью,—„*да подчиняется*“,—да поставляетъ себя подъ государственный законопорядокъ или чинъ,—добровольно ли „по совѣсти“ и сознательно, или же неволью, принудительно, „по страху“ предъ „ненапраснымъ ношеніемъ меча“ властью,—„*ибо нѣтъ власти, если не (или: какъ только) отъ Бога*“ (ср. 1 Тим. 2, 3 и 1 Петр. 2, 13, 15), помимо и вопреки волѣ Бога,—только безвластіе, безначаліе, анархія, безпорядокъ или „отступленіе—*ἀποστασία*“—отъ міродержца тьмы вѣка сего, отъ діавола и его представителя—антихриста (2 Фесс. 2, 3).—напротивъ

всякая власть, какъ средство къ благоустройству и выраженіе благопорядка—отъ „Бога мира и порядка“ (нельзя перетолковывать какъ нѣкоторые сектанты: „не есть власть, если она не отъ Бога“ или: „не власть—та, что не отъ Бога“,—тогда бы должны стоять: или членъ η , или мѣстоименіе относительное η вмѣсто условнаго и созвучнаго союза ϵ ,—притомъ такое толкованіе явно противорѣчило бы непосредственно слѣдующимъ словамъ Апостола, именно:) „*сущія же, существующія, слѣд. всѣ наличныя въ каждое данное время истории христіанства и Церкви,—время антихриста, какъ исключительное, будущее, потому не могущее быть для насъ вполне яснымъ, притомъ носящее ясныя признаки „отступленія“, государственнаго безчинія и анархіи, конечно должно здѣсь быть исключено изъ ближайшаго обсужденія,—отъ Бога учинены суть“*, учреждены, узаконены, уставлены, какъ „противодѣйствіе“ (*τὸ κατέχον*)¹⁾ и какъ въ лицѣ своихъ носителей „сдерживающія“ (*ὁ κατέχων*) „всякое беззаконіе“ (*ἀνομία*), „безпорядокъ“ (*ἀκαταστασία*), „отступленіе“ (*ἀποστασία*), государственное безначаліе, „антихристіанство“ и „безбожіе“ (2 Тесс. 2, 3—4; 1 Кор. 14, 33),—принципъ и результатъ діаволизма, коему служатъ „всѣ царства міра со всею ихъ славою и властью“, поскольку, подъ вліяніемъ зла и міроваго грѣха, отъ „Божьяго и Кесарева“ уклоняются или въ Божіе или въ Кесарево, становясь подъ иго сатанинскаго принципа самоволія, „беззаконія“, „отступленія“, „нестроенія“ или „безпорядка“, „антихристіанства“ и „безбожія“,— „такъ что противодѣйствующій власти“—*ἀντιταξόμενος*, учиняющій что либо противъ благопорядка и благоустроенія, свойственныхъ „Богу нестроенія, но мира“ (1 Кор. 14, 33), и дѣйствующій по вышеуказанному принципу антихристіанства и діаволизма,— „*Божьему установленію противится*“—*διαταξή*—распоряженію, распорядку, благоустроенію „Бога нестроенія, но мира“. „*А противящіеся сами себя судъ—осу-*

¹⁾ Беремъ терминъ въ наиболѣе удобопріемлемомъ изъ существующихъ толкованій. Но лично мы даемъ другое толкованіе, при коемъ терминъ имѣетъ значеніе не „сдерживанія или удерживанія“, но „содержанія“, и уже дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого „содержанія антихриста“ является и „удерживаніе его явленія“ до опредѣленнаго времени, между прочимъ, и государственностью, какъ и другими проявленіями божественной дѣйственности въ мірѣ.

жденіе—получатъ, ибо начальники не суть страхъ“,—не оказываютъ или не бываютъ страхомъ, не страшны,—„доброму дѣлу, но злomu, дурному, беззаконному, ибо „праведнику законъ не лежитъ“ (1 Тим. 1, 9), хотя онъ и „ходитъ во всѣмъ заповѣдяхъ Господнихъ безукоризненно“ (Лук. 1, 6), будучи внѣ закона и надъ закономъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы автономнымъ, какъ и для добродѣтели нѣтъ страха предъ внѣшне-мірскою властью, коей беззаконія и самоволіе она вмѣняетъ въ ничто (Апостолы и всѣ христіанскіе мученики и исповѣдники). боясь и любя одного только Бога и Спасителя,—напротивъ, для злодѣйства и злодѣевъ эта мірская власть страшна, поскольку дѣлающій зло, не имѣя опоры для себя въ своемъ собственномъ нравственно-религіозномъ сознаніи и въ Богѣ, долженъ бояться только той же внѣшней силы, какою злодѣйствуетъ самъ,—только „не напрасно носимаго меча“, отъ коего должна предстоять „гибель всякому, взявшему мечъ“ (ср. 1 Петр. 3, 13—14 Дѣян. 4, 19—20 и 5, 29). „А хочешь не бояться власти?—Добро твори, и будешь“,—будущее въ смыслѣ долженствования: долженъ будешь,—„имѣть похвалу отъ нея“,—а если и не будетъ такой похвалы и придется „вамъ пострадать за правду, блаженны вы и не бойтесь, ибо угодное волѣ Божіей творите и за добрыя дѣла страдаете“ (1 Петр. 3, 11—17),—„ибо Божій слуга есть (она), тебѣ во благо“ (ср. 1 Тим. 2, 2 и 1 Петр. 2, 14), т. е. „отъ Бога“ и „по Божьему установленію“ для содѣйствія (отрицательнаго) Церкви въ достиженіи назначеннаго людямъ блага посредствомъ внѣшне-государственнаго благоустройства,—въ противномъ случаѣ, т. е. когда обладатели верховной власти государственной руководятся принципомъ антихристіанства и діаволизма и сѣютъ смуту (революціонеры), эта власть уже не есть власть, и не отъ Бога, и не во благо,—во всякомъ „беззаконіи“, „отступленіи“ и „неустройствѣ“ есть и безначаліе и безвластіе, какъ, напротивъ, порядокъ и добро нераздѣльны съ властью. „Если же зло творишь, бойся, ибо, не напрасно (зря) мечъ носитъ“ (ср. 1 Петр. 2, 14): мечъ, страхъ и наказаніе, какъ мы знаемъ уже, суть необходимыя принадлежности и орудія государственности—въ нихъ—единственная сила внѣшне-государственной власти,—безъ нихъ она будетъ только кажущаяся, „напрасною“,—только пугаломъ, а не властью, ибо злодѣй можетъ быть

„удержанъ“ только „страхомъ“ предъ „отмщеніемъ“ посредствомъ „не напрасно носимаго меча“,—„жизнь за жизнь, зло за зло, вредъ за вредъ, мечъ за мечъ (взявшіе мечъ мечомъ погибають, насилію противопоставляется насиліе)— основа государственности, которая также „отъ Бога“ и „по Божіему установленію“ или „соизволенію“ (законъ Моисеевъ, царство іудейское)—„во благо“ и спасеніе людей. и „на страхъ“ злодѣямъ, для конхъ нѣтъ ничего другого „удерживающаго“ отъ „аноміи“, „апостасіи“ и „акагастасіи“,— „ибо Божій слуга есть (она), отмститель въ наказаніе (εις ὄργην—бук.: въ гнѣвъ, въ нѣк. опуск., ср. также ст. 6: διὰ τῆς ὀργῆς—изъ-за страха предъ наказаніемъ) зло дѣлающему (злодѣю) (ср. 1 Петр. 2, 14),—по государственному принципу возмездія: зло за зло, мечъ за мечъ,—для „удержанія злодѣевъ посредствомъ страха предъ наказаніемъ“. „Поэтому необходимо подчиняться не только по гнѣву“,—по страху злодѣя предъ ненапраснымъ мечомъ, отъ коего должны погибать берущіеся за мечъ насильники,—„но и по совѣсти“ (ср. 1 Петр. 2, 18),—людямъ добродѣтельнымъ, не боящимся государственнаго меча и творящимъ добро по дѣйствующему въ совѣсти каждаго закону Правды Божіей и Христовой (Римл. 2, 14—15), а не по страху предъ мечомъ,—такъ какъ „всѣ верховныя власти отъ Бога и Богомъ установлены“ и суть „слуги Бога“ людямъ „во благо“. „Поэтому то (вѣдь) и подати платите (о государственномъ значеніи подати—выше, въ толк. Матѣ. 22, 15—21), ибо они (власти и представители ея) служители Бога суть, для этого самаго (надъ этимъ именно) трудящіеся“ (поставленные, назначенные,—этимъ самымъ постоянно или усердно занятые). „Воздайте (др. приб.: оѣу—же, поэтому, итакъ) всѣмъ (представителямъ верховной власти и ихъ уполномоченнымъ) должное: кому (подобаеть) подати—подати, кому налогъ—налогъ, кому страхъ—страхъ, кому честь—честь“ (ср. 1 Петр. 2, 17). Въ этомъ—„Кесарево Кесарю“, залогъ государственнаго благоустройства и условіе внѣшняго благосостоянія гражданъ.

Но непосредственно вслѣдъ затѣмъ Апостоль раскрываетъ, въ чемъ состоитъ „и Божіе Богу“.

„Никому ни въ чемъ не должайте, кромѣ любви другъ къ другу, ибо любящій другаго законъ исполниль, ибо... (всякая) заповѣдь (весь законъ Гал. 5, 14) въ словъ семь (Гал. въ одномъ

словъ) содержится (Гал. исполняется): *люби ближняго твоего какъ себя самого* (ср. Іак. 2, 8—11). *Любовь ближнему зла не дѣлаетъ. Итакъ, исполненіе закона—любовь*“ (ср. 1 Кор. 13 гл.). Здѣсь уже другой, Божій, принципъ.—другое начало—правды Христовой, а не Кесаревой. Не „противостояніе злу зломъ“. не „зло за зло, жизнь за жизнь, мечъ за мечъ“, не „страхъ и отищеніе“,—но „кротость, милость, миротвореніе, благотвореніе всѣмъ, даже врагамъ,—воздаваніе злу и преодоленіе зла добромъ,—терпѣніе за правду Христову даже до крови“ (Матѳ. 5, 3—12. 22—26. 38—48; 1 Петр. 3, 9 Римл. 12, 17. 18. 21; 1 Тесс. 5, 15 Евр. 12, 4 др.). Если всякое кесарство или царство („Кесарево Кесарю“, государство) основывается на законѣ возмездія: „вредъ за вредъ“, то въ царствѣ Божіемъ и Христовомъ властвуетъ: „милость за милость“ (Іоан. 1, 16) и всѣмъ править „Любовь“. Моисеевъ законъ по своей временно-политической сторонѣ, какъ и вообще всякій внѣшне-государственный и плотской „законъ заповѣдей“ въ царствѣ Христовомъ замѣненъ духовными „догмами“ и идеалами правды Христовой (Ефес. 2, 15 Кол. 2, 14), подъ вѣяніемъ благодати Божіей преобразующими ветхаго плотяно-земнаго и душевнаго чловѣка въ новаго, небснаго и духовнаго, по образу Спасителя Богочловѣка (цитаты выше). Въ этомъ состоитъ „Божіе Богу“.

Параллельное мѣсто въ 1 Петр. 2, 12—25 не требуетъ подробнаго толкованія, такъ какъ излагаетъ истолкованное уже ученіе Ап. Павла. По нашему убѣжденію, Соборныя Посланія Апостоловъ Іакова и Петра (2 Петр. 3, 15—16) написаны отъ лица „столповъ“ іерусалимской церкви для защиты Ап. Павла отъ нападеній и пропаганды іудаистовъ, лживо прикрывавшихся авторитетомъ іерусалимскихъ „столповъ“,—такимъ образомъ въ эпоху борьбы Ап. Павла съ іудаистами и непосредственно послѣ нея, во время первыхъ узъ Апостола,—при знакомствѣ съ раннѣйшими и въ эту эпоху написанными писаніями его: къ Галатамъ, Коринейнамъ и Римлянамъ (ср. напр. ученіе Ап. Іакова о любви и о вѣрѣ и дѣлахъ во 2-й гл., ученіе Ап. Петра о повиновеніи христіанъ свѣтской власти и др. мн.). А Соборныя Посланія другихъ двухъ іерусалимскихъ „столповъ“—Іоанна и Іуды имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, александрійскій гносисъ, съ коимъ Ап. Павелъ борется въ своихъ посланіяхъ, написан-

ныхъ во время первыхъ узъ, хотя обличаютъ и іудайство.

Такимъ образомъ параллель въ 1 Петр. 2, 13 сл. мы имѣемъ основаніе ставить въ такое же отношеніе къ Римл. 13-й главѣ. въ какомъ эта стоитъ къ Матѣ. 22, 21—21. Но между тѣмъ какъ Ап. Павелъ даетъ подробное и всестороннее раскрытіе краткаго изреченія Господа, примѣнительно къ жизненнымъ потребностямъ христіанъ,—Ап. Петръ лишь сокращенно и неполно излагаетъ ученіе Ап. Павла, только для подтвержденія его своимъ авторитетомъ „столпа“ изъ Двѣнадцати Апостоловъ. Считаемо поэтому достаточнымъ только привести это мѣсто въ переводѣ.

Чтобы яичники не обвиняли христіанъ какъ злодѣевъ (политическихъ и уголовныхъ), Апостоль говоритъ, что они должны вести хорошую жизнь и своими добрыми дѣлами побуждать язычниковъ къ прославленію Бога въ день посѣщенія. Однимъ изъ такихъ добрыхъ дѣлъ должно быть и исполнѣн законѣрное отношеніе къ мірскому начальству.

„Подчиняйтесь всякому человѣческому (государственно-политическому, мірскому, что есть „Кесарево Кесарю“ въ отличіе отъ „Божіе Богу“) устройству (κτίβει, нѣк. лат. ordinationi, др. creaturae—слав. созиданію, рус. начальству: ср. Рим. 13, 1) ради Господа (т. е. слѣдуя повелѣнію Господа: „Кесарево Кесарю и Божіе Богу“, а также ср. Рим. 13, 1—2. 6), царю ли какъ верховному (имѣющему верховную власть Рим. 13, 1), или правителямъ, какъ чрезъ него посылаемымъ (Римл. 13. 3. 7—8) для наказанія злодѣевъ (Рим. 13, 4) и для похвалы (одобренія) добродѣтельныхъ (Римл. 13, 3): потому что такова есть воля Божія—добротворцамъ обуздывать (чтобы добротворцы обуздывали) невѣжество неразумныхъ людей,—какъ свободные и не какъ прикрытіемъ зла имѣющие свободу (Гал. 5, 13), но какъ Божьи рабы (1 Кор. 7, 21—23),—всѣхъ чтите (Римл. 13, 7), братство любите, Бога бойтесь, царя почитайте,—слуги повинясь со всякимъ страхомъ господамъ не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ (собств. неровнымъ, гнѣвливымъ, несправедливымъ), ибо это пріятно (др. и слав. приб. Богу), если по совѣсти Божіей (Римл. 15, 5,—др. чт: по совѣсти доброй и: по совѣсти Божіей доброй) переноситъ кто скорби, страдая несправедливо. Какая же слава, если вы, совершая проступки и подвергаясь (за это) ударамъ, будете терпѣть (за проступки

будете терпѣть побой)? Но если, добро творя и (за это) страдая, будете терпѣть (за добро подвергнитесь страданіямъ), это пріятно предъ Богомъ, ибо на это призваны вы, потому что и Христосъ пострадалъ (др. умеръ) за насъ (др. вась), намъ (др. вамъ) оставляя примѣръ, дабы вы пошли по слѣдамъ Его,—Который грѣха не содѣлалъ и не оказалось лести въ устахъ Его,—Который, будучи бранимъ, не отвѣчалъ бранью,—страда, не грозилъ, а предавалъ Судящему справедливо“.

Остается кратко примѣнить все сказанное къ *Дѣян. 4, 19—20 и 5, 29*.

Начать съ того, что то не была „верховная власть“ государственно-политическая, каковая въ тогдашней Палестинѣ (Сиріи) принадлежала Римлянамъ—Кесарю и Намѣстнику—Игемону. А гонители Апостоловъ „*архіереи* (др. чт. *іереи*), *начальникъ* (др. чт. *начальники*) *храма и саддукеи*“ (Дѣян. 4, 1) представляли только сравнительно очень небольшую, хотя и вліятельную у римскаго начальства, партію хулиганствовавшихъ политикановъ во главѣ съ „*Анною архіереемъ и Каиафою и Иоанномъ и Александромъ и прочими всеми изъ рода архіерейскаго*“ (ст. 6) 1).

Затѣмъ. И дѣйствовали они противъ Апостоловъ не какъ „отъ Бога поставленныя власти и служители Божіи во благо“ и для благоустройства людей, но какъ узурпаторы римской власти и самозванные начальники,—какъ слуги анархіи, безпорядка, самоволія и беззаконія. Изъ суда надъ Христомъ и изъ судебныхъ процессовъ Ап. Павла, не говоря о другихъ историческихъ свидѣтельствахъ, мы знаемъ, что іерусалимскіе синедріоналы не имѣли отъ Рима полномочій на тѣ мѣры, какія употребляли они по отношенію ко Христу и Апостоламъ. Имъ предоставлена была только религіозная свобода, но не гражданско-политическая автономія.

Наконецъ. Вопреки этому самоволію и самозванству властей іерусалимскихъ, у Апостоловъ былъ другое, безусловно непререкаемое, начало ихъ дѣятельности: непосредственное внушеніе Бога и повелѣніе Спасителя, ясно показывавшія имъ, что заправили іерусалимскіе въ данномъ случаѣ дѣй-

1) „Начальники, старшины и княжники“ ст. 6-го суть общее названіе членовъ синедріона, безотносительно къ дѣлу апостоловъ.

ствовали не какъ „власти отъ Бога и слуги Божіи во благо“, а какъ революціонеры—и политическіе, противъ Кесаря,—и религіозные, противъ Бога,—какъ носители политической и религіозной апостасіи, аноміи и акатастасіи. И при томъ это внушеніе Божіе и повелѣніе Спасителя не было только субъективно-личнымъ или частнымъ дѣломъ каждаго Апостола отдѣльно, но обще-церковнымъ, соборнымъ,—явнымъ и вѣдомымъ всеі тогдашней Церкви.

Вотъ это-то непосредственное самоудостовереніе каждаго члена Церкви (Римл. 14, 5), при ясно сознаваемомъ имъ или выраженномъ Соборною Церковью согласіи ея или даже прямого требованіи,—всегда было и будетъ, какъ для каждаго христианина такъ и для всеі Церкви, главнымъ и послѣднимъ опредѣляющимъ началомъ въ отношеніяхъ ихъ къ мірской государственной власти. Духъ Святыи, живущій въ Церкви и ея членахъ, всегда указываетъ путь, коимъ должно идти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Трудность вопроса поэтому только каноническая, такъ сказать, или формально-юридическая, а не идеологическая или догматическая. Нельзя конечно облечь въ „правило на правило и заповѣдь на заповѣдь“ (Иса. 28, 10) тѣ „ученія“-идеалы или „догмы“-повелѣнія, коими Спаситель „упразднилъ законъ заповѣдей“ (Ефес. 5, 12 Кол. 2, 14) и коимъ „учить и наставлять“ продолжаетъ въ Церкви „Утѣшитель Духъ Святыи“ (Іоан. 14, 2 ; 16, 13), Который, „гдѣ хочетъ, дышетъ“ (Іоан. 3, 8), непрерывно и благодатно обвѣвая таинственныя глубины Церкви Соборной. Поэтому, при дѣйствительной и истинной соборности Церкви Христовой, никакихъ неразрѣшимыхъ недоумѣній въ отношеніяхъ Ея Самой и Ея членовъ къ государству мірскому и не было и быть не можетъ. Такія недоумѣнія возможны и были и бываютъ только тамъ и тогда, гдѣ и когда заглушенъ живой гласъ вѣянія Духа-Ходатая въ Церкви и уничижена соборность ея, напримѣръ въ католичествѣ и протестантствѣ.

У К А З А Т Е Л Ь

мѣсть и словъ книги Дѣяній и параллельныхъ, коихъ касаются толкованія, содержащіяся въ статьѣ.

Переднія цифры указываютъ на цитаты, заднія и курсивныя—

на страницы I, 13 *ὑπερῶων* Апрель, 763. Ibid. *καταμένειν* 763—764 I, 15 *ὄχλος ὀνομάτων* 763. ib. *ἀναστάς* ср. 2, 2 *καθήμενοι* ibid. I, 18 *ἐλάκησεν* 763. ib. *χωρίον* 764. I, 19 *ἀκελδαμίχ* ibid. I, 15. 21 ср. 2, 1 и 4, 32. 34 *πᾶς* ibid. I, 21—22 755—756. I, 23 ср. 15, 22 *βαρσαββᾶς* 760. I, 15—26 ср. 6, 5—6 избраніе Апостола Матеія ср. избраніе діаконовъ (5. а) 768—769. I, 24 *καρδιογνώστης* 764. ib. *ἀνάδειξον ὃν ἐξελέξω*—парал. изъ Иосифа Флавія 765. I, 24 *τόπον* вм. *κλήρον* Апр. 765. I 25 *τόπος ἴδιος* 764. II, 1 *ἐν τῷ συμπληροῦσθαι τὴν ἡμέραν τῆς πεντηκοστῆς* 764—765. II, 6 *ταύτης φωνῆς* 765. II, 1—7 на кого сошелъ Духъ Святойъ Май (5. ж) 232—233. II, 46 и 5, 42 *κατ οἶκον* Апр. 765. III, 19 *ἀνάψυξις* ibid III, 19—21 толкованіе всего мѣста (5, е) Май 227—232. III, 26 *ἐν τῷ ἀποστρέφειν* Апр. 765. IV, 5 *ἄρχοντες* 760. IV, 13 *ἀνθρωποι ἀγράμματοι* 760—761. IV, 19—20 и V, 29 въ связи съ Мате. 22. 15—21, Римл. 13, 1—10 ср. 1 Петр. 2, 13—20 и 1 Тим. 2, 2—4 (5. б) 769—770 и приложеніе Іюль—Августъ, особенно стр. 511—513. Дѣян. V, 1—11 толкованіе (5. г) Май 222—226 X, 34—35 толкованіе ср. 1 Тим. 4, 10 Рм. 11, 26 Мѳ. 7 11. 21—27 (5. д) 226—227 XIV, 11—18 Апостоль Павелъ понималъ ликоонцевъ и ликоонцы—Апостола Апр. 761 XV, 6 ср. 12 и др. *πλήθος* 765. XV, 20. 29 связь *πορεύει* съ языческимъ культомъ. Ibid. XV-я глава Дѣян.—Апостольскій соборъ стр. 770—771 (5. в) и приложеніе 2-е, стр. 239 Май. Терминъ *ἄρτι* стр. 765 Апр. Мо I, 16 Іюль—Августъ 496 примѣч. Мо. V, 27—32,—XIX, 3—15. Ефес. V, 23—33,—1 Кор. VII, 10—11 стр. 495. Мѳ V, 37. 38—39. 500,—Мѳ XXII, 15. 505—506,—1 Петр. II, 13—14 ср. III 13—510—511,—1 Іоан. V, 19—489,—Рим. XIII, 1—10—506—510,—1 Кор. XV. 47—492,—Ефес. VI, 12—489.